

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ

Л. Грибова,

мл. научный сотрудник
Коми филиала АН СССР.

К ИСТОРИИ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ

(500 лет христианизации)

Полтысячелетие назад, в 1463 году, русский летописец записал: «Епископ Пермский Иона крести Пермь Великую и князя ее Михаила и церкви постави, игумены и попы»¹. Под этой лаконичной фразой скрывается большая, богатая событиями эпоха истории коми-пермяков, эпоха, поставившая предков коми-пермяцкого народа на новый путь развития.

Период XII—XV вв. в Верхнем Прикамье довольно хорошо изучен археологически. Это — время коренных изменений в хозяйстве и социальных отношениях предков коми-пермяков: подсечно-огневое мотыжное земледелие сменяется плужным, выделяются металлообрабатывающие и кузнечные ремёсла. Родовым связям наносится последний удар, род распадается, появляется сельская община. Изменяется тип поселений. Вместо родовых укрепленных городишек появляются небольшие, но сильно укрепленные городища, подобно феодальным замкам. Примером служит раскопанное археологами Искорское городище близ города Чердынь, которое известно и русским летописям².

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1901, т. 6, год 1463-й.

² См.: Никоновская летопись. СПб, 1901, стр. 148.

На территории Коми-Пермяцкого национального округа таковым является, например, городище Курюг-Кар в Кочевском районе.

Частые находки замков, ключей и запоров от дверей говорят о развитии частной собственности, ускорению которой содействовала торговля с Булгарским государством и с русскими. Об этом свидетельствуют частые находки болгарских и русских вещей. О развитых торговых отношениях с Верхним Прикамьем сообщают также арабские источники. О том же говорит и язык коми-пермяков, в котором известны такие термины:

шась — какая-то денежная единица (буквально — прут, т. е. серебряная гривна в виде витого кольца); после этим словом коми стали называть рубль;

сьём — деньги (буквально — чешуя);

вузавны — продать;

небны — купить, небём — товар;

мынтны — заплатить, мынт — плата.

Значительного развития, особенно в связи с развитием торговли и сложением сельской общины, подчиненной князьку, достигли классовые противоречия, которые языки коми передают следующими терминами:

вот — дань, налог;

вер — раб;

мед — наем, медавны — нанять;

одзёс — заем, одзёсны — занять;

ёкса, ёксея, окса — князь;

кар — город, укрепленное поселение (городище);

карса — городской;

кан — князь, царь; канкар — столица;

кёртмавны — захватить чужую землю, конфисковать, арендовать.

В. А. Оборин, обобщая большой археологический материал по истории древних предков коми-пермяков XII—XV вв., заключает: «В сельской общине происходит выделение зажиточной верхушки, о чем говорит появление богатых кладов личных вещей, выделение богатых погребений в особое место на могильниках, появление маленьких городищ-замков. Выделяется военная дружина, о чем говорят находки богатого привозного оружия... Из зажиточных семей вырастает земле-

дельческая знать, начинающая наступление на общинные земли. Зарождаются феодальные отношения»¹.

Источники XV в. знают династию князей Великопермских и Пермских², а также их воевод.

Таким образом, не преувеличивая, можно сказать, что к XIV—XV вв. Верхнее Прикамье достигло того уровня развития, когда необходимо зарождается государственность. Появляется необходимость в письменности. Такая письменность была создана в Усть-Выми Стефаном Пермским. В то время коми-пермяки и коми-зыряне, очевидно, имели еще тесные связи, а может быть, составляли один народ. Некоторые исследователи видят в князьях Вымских представителей той же Великопермской династии³. С изменением условий жизни медленно, но верно изменялись формы общественного сознания родановцев, в том числе и их религия. В этот период еще, безусловно, процветали формы религии, характерные для периода распада родоплеменных отношений, т. е. многобожие (в частности, культ предков). Однако с развитием феодальных отношений появилась необходимость в едином божестве. В языках народов коми сохранился ряд слов, говорящий о довольно сложных религиозных представлениях их. Так: ен — бог,

вичку — церковь,

видз — пост,

перна — крестик,

пыртны — крестить и т. д.

Русские письменные источники сохранили названия двух божеств: коми-пермяцкого — Войпель⁴ и коми-зырянского — Золотая Баба (Зарвиань). В фольклоре коми-пермяков существует вариант предания о Пере-богатыре, где образ Перы приобретает также богоподобные черты⁵. Возможно, в далеком прошлом Пер, Пера или Пеля являлся героим-предком коми-пермяков, которого при развитом культе предков они не-

¹ В. А. Оборин. Коми-пермяки в IX—XV вв.: М., 1957, стр. 17.

² См.: Б. Голубцов. Князья Великопермские, Пермские и Вымские. Труды Пермской Арх. Комиссии, выпуск 1, Пермь, 1892.

³ Там же.

⁴ См.: Акты исторические, т. I, № 112, стр. 168.

⁵ См.: Л. С. Грибова. Пера-богатырь йылсь эшö öтик легенда — «Гора му», Кулымкар, 1963.

сомненно должны были почитать. Думается, что Войпель и есть Северный Пер (вой — север). Н. Н. Серебrenников, известный исследователь пермского деревянного ваения XVII—XIX вв., пишет о часто повторяющемся образе «Сидящего Спасителя», что он «столь оригинален, что отличается слишком многим от христианского (синий шабур с поясом, правая рука защищает лицо от удара, сидит всегда в темнице). Все эти несоответствия связывают лишь о легендарности и народном претворении образа «Сидящего Спасителя» в своеобразно-религиозной народной символике»¹. Н. Н. Серебrenников считает праобразом «Сидящего Спасителя» «Золотую Бабу» — божество женского пола, почитаемое коми-зырянами². Думается, это не совсем так. Во-первых, «Золотая Баба» — женского пола, во-вторых, она всегда упоминалась с младенцами. Другой вопрос — Войпель-Пер. То, что он помещается в темнице, то, что он изображается как бы защищающимся от пощечин, — разве это не перекликается с легендой об окаменении Перы и о тех вариантах легенды, где Пера помещается в пещере?³

Созвучие имени героя Пели с названием божества Войпелем (Северный Пель) дает некоторое основание отождествлять этот образ. Возможно, Пера-Войпель и был главным божеством коми-пермяков, исполнивший впоследствии роль Иисуса Христа.

Возможно, что именно с образованием коми-пермяков и коми-зырян как отдельных народностей, у каждого из них появились национальные боги, из которых выделились главные, покровители данных народностей.

Таким образом, социально-экономическое развитие предков коми-пермяков в XII—XV вв. потребовало соответствующего идеологического (религиозного) освящения. У предков коми-пермяков на основе родовых верований, многобожия, начинает складываться единобожие. Однако трудно стать главным одному из равных божеств. В то время, как Войпель, возможно, как княжеский бог, начал постепенно возвышаться над остальными, появилась новая, яркая, совершенно сложившаяся христианская религия с ее четкими догматами и пышным культом. Войпель был свергнут с трона царя богов, не успев подняться на него.

¹ Н. Н. Серебrenников. «Пермская деревянная скульптура». Пермь, 1927.

² См.: Карамзин. История государства Российского. СПб, 1817, т. 5, стр. 112.

³ Л. С. Грибова. См. указ. соч.

Вскоре он как божество был совершенно вытеснен и забыт, как были забыты и другие божества предков коми-пермяков.

Довольно быстрому процессу христианизации содействовали не только назревшие внутренние причины, но и тесное сближение с русскими.

Еще задолго до официального присоединения к Русскому государству пароды коми, очевидно, зависели от Новгорода, а позже от Москвы — платили им дань. Очень рано (XII—XIII вв.) началось и движение русских колонистов в Верхнее Прикамье. Об этом свидетельствуют и археологические данные, и русские летописи. Ранние связи с русскими, их культурное влияние подготовили почву для присоединения земель коми к Русскому государству, которому чрезвычайно важно было закрестить здесь, чтобы обезопасить свои восточные границы.

Вместе с русскими в Верхнее Прикамье проникла и новая религия — христианство. Еще в XIV в. были крещены и присоединены к Москве коми-зыряне, близко родственные коми-пермякам народ.

По единственному, но чрезвычайно ценному источнику того периода «Жизнеописание св. Стефана Пермского» мы узнаем, с какой борьбой между сторонниками новой и старой религий шел процесс христианизации и вместе с тем окончательного закабаления пермян—предков коми-зырян — Московским феодальным государством. Не беспрепятственно проходил этот процесс и в Верхнем Прикамье, хотя сведений в письменных источниках об этом гораздо меньше. Надо иметь в виду, что с новой формой религии не только закреплялся феодальный гнет местной социальной верхушки, но еще и привносился новый, невиданный доселе, национальный гнет пермян русскими. Поэтому трудовой народ, по-видимому, всячески препятствовал проникновению христианства. Православие, наиболее приспособленное, наиболее отвечающее требованиям зарождающегося феодального общества, освящавшее новые формы угнетения народа, вначале было воспринято княжеской властью. Это видно хотя бы из того факта, что при крещении Перми Великой князь ее получил христианское имя — Михаил¹, его воеводы еще в 1472 году имели свои языческие имена: Бурмат, Мичкин, Зыран². Еще медленней воспринимали новую веру простолюдины.

¹ См.: Полное собрание русских летописей, т. 6, год 1463-й.

² Там же.

Г. К. Коню —

Хотя письменные источники того периода очень скупо говорят об экономических взаимоотношениях Перми Великой с Московским княжеством, очевидно, они были очень похожи на отношения Москвы к коми-зырянам. К ним были приставлены «тивуны и доводчицы» и «приставницы»¹. Вероятно, они также страдали от «насилия работы и тивунския продажи и тяжкия дани»², как коми-зыряне, о чем жаловался сотник Пам почти за столетие до этих событий. Не зря же через девять лет после принятия христианства коми-пермяки во главе с князем своим восстали. Под 1472 годом летопись сообщает: «Тоя же зимы послал князь Великий на Великую Пермь князя Пестрого воевати их за их неизправление»³. Князь Михаил и его воеводы были взяты в плен и отправлены в Москву. Однако Пермь Великая оставалась еще со своим самоуправлением.

Несомненно, и позже народные волнения не прекращались. На помощь русским воеводам шла христианская религия. В 1501 г. митрополит Московский Симон в своем благословлении «князю Матвею Михайловичу Пермскому (сыну Михаила — Л. Г.) да и всем пермичам, большим людям и малым, мужам и женам, юношам и младенцам, всем православным христианам, новопросвещенным господним людям, всей области Пермской» писал, чтобы те «...кумирам бы есте не служили ни треб их не принимали, ни Войпелю болвану не молитися по древнему обычаю», чтобы спрашивались духовных отцов своих «о всем управлении христианском... жили бы по закону великого нашего православия», а «занеже кто от вас незаконно что учинит, и за то Божий гнев приходит на христианство, овогда рати, овогда же глади, овогда падением человека и скотом, сиречь смерть. И вы бы о всем благочестии и в управлении были, как всякий сущии православнии христиане»⁴. В этих словах сказано очень много: и то, что коми-пермяки еще далеки были от смирения с новой верой и управлением, и то, что за это их мог покарать бог нашествием рати и смертью, и то, что христианство было воинствующим поборником интересов растущего Московского государства. Из послания ясно видно, что за грехи, т. е. за неподчинение вере и управле-

¹ См.: Никоновская летопись, стр. 148.

² Житие Стефана Пермского, стр. 30, 39.

³ Никоновская летопись, стр. 148.

⁴ Акты исторические, стр. 168—169.

нию бог карал не совсем по-христиански: иногда нашествием рати, иногда смертью, иногда падежом скота и т. д. Пермяку, который никогда не представлял потусторонний мир в виде рая или ада, трудно было понять прелести первого и ужасы второго, а потому христианству приходилось приспосабливаться к его вере. Бог должен был карать живого человека на земле, а не после смерти. Известно, что вскоре после этих предупреждений, в 1505 г., князь Матвей Великопермский был «сведен с вотчины» и сослан Московским правительством¹. Пермь Великая окончательно лишилась самостоятельности.

Эта борьба нового со старым, традиционным, борьба феодализма с пережитками родоплеменных отношений, отразившаяся в борьбе христианства с «язычеством», получила чрезвычайно богатое воплощение в устном народном творчестве коми-пермяков. К сожалению, эта сторона фольклора совершенно пока не изучена. Многочисленные предания о чуди непременно связываются с дохристианскими предками коми-пермяков. Почти в каждом из них говорится, что чудь ушла под землю из-за веры, не хотела примириться с ней. Приводятся имена чудских, т. е. «языческих», предков, героев, указываются места военных столкновений чуди с новым, пришлым народом, описывается жалкое положение побежденной, но непокорной чуди. Отверженные христианизированным обществом «...так они и бродили, жалкие, оборванные, пугали всех. Стучатся в окна — просят на ночлег. Хозяева спрашивают: «Крещеный, нет? — Нет. — Тогда уходи. Нет для тебя места». Спали они в банях, под овинами, так до сих пор их и называют «баня-чуд», «овин-чуд». Так они и погибли»².

Наконец, характернейшим преданием, отразившим всю народную трагедию восприятия новой религии и подчинение чужеземному господству, является предание о Пере-богатыре, подробно разобранным нами в специальной статье. Еще раз хочется привести это предание.

Он сильный был, работает, кует железную палку. Подходит к нему старик и спрашивает:

— Что делаешь?

— Ось-палку железную кую. Земной шар хочу перевернуть. Парму ближе к солнцу передвинуть.

¹ См.: Полное собрание русских летописей, т. 6, год 1505-й.

² Из рассказа Бузинова А. А. — Кочевский район.

«Будь же ты камнем!» Линогравюра А. Мошева.

- Зачем?
- Чтобы теплее здесь было, а то холодно. Уйти же отсюда нельзя.
- А как ты это сделаешь?
- Надену Землю на ось и переброшу через плечо.
- Вот о чем ты думаешь. Там народ молится, а ты... Будь же ты камнем!
- И стал Пера камнем. Старик-то сам бог был. Долго Пера камнем был. Снова пришел к нему бог-старик:
- Все еще собираешься землю перевернуть?
- Где уж... Кто-то меня окаменил. Вот если бы меня освободили...
- Будь по-твоему. Ты снова будешь тем, кем был, но Земля останется такой же, как была.

На том и порешили. Пера снова стал человеком, но бросил старые мысли.

Нельзя не обратить внимание на то, что любимейший и главнейший из героев коми-пермяцких преданий Пера-богатырь здесь показан «язычником», заступающим за свой «языческий» народ перед христианским богом. Насколько народ правдиво отобразил в своих творениях подлинную историю, ярко видно по этому преданию. Сильнейший из сильных терпит поражение: бог победил Перу — христианство торжествовало над «язычеством».

Та же самая борьба отразилась и в пережитках верований. Долгое время после принятия христианской религии коми-пермяки еще почитали своих старых богов. В XVI в. С. Герберштейн писал о пермяках: «До сих пор многие из них остаются идолопоклонниками, живя рассеянно в лесах, монахи и отшельники, отправляющиеся туда, не перестают обращать их от заблуждений и суетного служения идолам»¹. Н. Добротворский уже в XIX в. отмечал, что коми-пермяка «христианином назвать мудрено. У него две веры: своя собственная, перешедшая к нему по преданию от времен давно минувших, и церковная»².

Насколько несовершенно было единобожие самих пермяков, насколько сильно оно было окутано еще родовыми верованиями и культами, настолько христианству пришлось уступить старым традициям. Старые божества, очевидно, превратились в христианских святых. Святые в Верхнем Прикамье (и только здесь, среди коми-пермяков) изображались в виде деревянных скульптур (что вообще не допускалось в православии), причем, столь своеобразных, что Н. Н. Серебрен-

¹ С. Герберштейн, «Записки о Московии». СПб, 1908, стр. 135.

² Н. Добротворский, Пермяки. — «Вестник Европы», 1883, № 4.

ников видит в них именно дохристианские культовые изображения в скульптурной форме¹. Надолго сохранились одеяния этих святых, подобно тем «полотняные тонкие пелены», какие были у древнепермских идолов². Поклонение святым и христианскому богу продолжало походить на поклонение идолам (не отвлеченному богу, а изображению его — иконе), имели место жертвоприношения и т. д. И если следы единогобожия коми почти не сохранились, как до сих пор сохранились пережитки множества «языческих» верований, то это вполне понятно. Ибо оно выражало интересы не столь народа, как появившейся государственной власти, феодальной верхушки. И не у одних коми-пермяков происходило так. «... все исследователи согласны с тем, что после крещения восточных славян культ великих богов и то, что называют «высшей мифологией», оказался наименее устойчивой частью древней религии восточных славян. В то время как «низшая мифология» — представления о духах природы, водяных, леших и пр., а также о домашних духах, вера в оборотничество, в колдунов и пр. сохранялась как пережиток прошлого почти до наших дней, образы «великих» богов днепровских славян — Перуна, Дажьд-бога, Стрибога, Хорса и др. совершенно исчезли из народных верований, по крайней мере, под своими собственными именами»³.

С какими бы трудностями и жертвами не был связан переход предков коми-пермяков к новой вере, под господство Московского государства, бурная борьба XV—XVI вв. в Верхнем Прикамье имела объективно-прогрессивное значение для дальнейшего развития этого небольшого народа. Отныне он был втянут в тесные экономические связи с другими народами складывавшегося многонационального Московского государства и прежде всего — с русским народом. Объединение ускорило процесс феодализации, что имело также прогрессивное значение. Русская культура, проникая вместе с русской колонизацией, русский язык, фольклор и т. д. оказали громадное положительное влияние на культуру коми-пермяков, обогатили ее.

¹ См.: Н. Н. Серебренников, указ. соч., стр. 129.

² Карамзин, указ. соч., стр. 111.

³ С. А. Токарев. Религиозные верования восточно-славянских предков. М., 1952, стр. 111.